

З. К. Тарланов

**ЗАМЕТКИ ПО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ
МАГИИ АГУЛОВ**

В этнографической кавказоведческой литературе нет специальных работ, в которых рассматривались бы вопросы сельскохозяйственной магии агулов — одного из народов Дагестана, хотя отдельные разрозненные сведения можно найти у разных авторов начиная с середины второй половины XIX в. Следует, однако, особо упомянуть статью А. Г. Трофимовой¹, которая дополняет материал о религиозных обрядах вызывания дождя и солнца, распространенных в отдельных лезгинских районах Южного Дагестана, данными (правда, не исчерпывающими), относящимися к двум агулоязычным селам — Хоредж и Квардал, входящим в состав Курахского района Дагестанской АССР.

Задача настоящей статьи — дать обзор магических обрядов вызывания дождя и солнца, распространенных в прошлом, а отчасти бытующих и поныне у агулов. Работа основана на полевых материалах, собранных автором в июле 1971 г. в сел. Буркихан Агульского р-на Дагестанской АССР, проверенных и дополненных летней экспедицией 1972 г. Нам удалось зарегистрировать несколько форм обрядов вызывания дождя, описанных ниже.

1. *Бешепей*². Из тонких прутьев делается плетенка в форме усеченного конуса в соответствии с ростом человека, давшего согласие стать бешепеем (чаще всего это пастух). Плетенка одевается поверх легкой одежды бешепея и доходит ему до колен. Имя бешепея известно лишь его ближайшему окружению. Одетый в плетенку бешепей готов к выполнению обряда — шествию по селу. Он ходит обязательно в сопровождении двух-трех человек, составляющих как бы «вспомогательный персонал», не говоря уже о большом количестве детей разного возраста, с интересом наблюдающих за шествием.

Бешепей подходит к каждому дому и ждет, пока его обольют водой. Тем временем сопровождающие его лица получают угощение, которое складывается в общий мешок и хранится до конца шествия. Бешепея обливают водой со словами: «Пусть пойдут дожди, чтобы мы промокли так же, как ты! Пусть будет богатый урожай, много трав (сена для скота)!» Текст этот может варьироваться, но смысл остается неизменным.

Шествие сопровождается веселым шумом, смехом, шутками. Прекращается оно лишь тогда, когда бешепей обойдет все дома в селении. Завершив обряд, участники процессии направляются к священному месту,

¹ А. Г. Трофимова. Из истории религиозных обрядов вызывания дождя и солнца у народов Южного Дагестана. — «Азербайджанский этнографический сборник», в. II. Баку, 1965, с. 97—111.

² Бешепей — основной персонаж обряда вызывания дождя. Ср. в лезгинском языке пешепай, что А. Г. Трофимова переводит как «лиственный свекор» — от *пеш* — лист и *апай* — свекор (см. А. Г. Трофимова. Указ. раб., с. 98).

и там дары, полученные организаторами и участниками шествия, делятся между ними.

Слово и действие здесь не разграничены и образуют неделимое целое, но основное значение все же очевидно. С точки зрения народных представлений о взаимоотношении между природой и человеком воздействовать на явления природы можно, изобразив действия, имитирующие эти явления. Действия, таким образом, как бы повторяются, меняются только их субъекты (в первом случае — человек, во втором — природа). Природа олицетворяется, наделяется способностью понимать человека, его нужды, и тем самым создается видимость взаимопонимания между человеком и окружающим его миром³.

2. *Купание пастуха в реке.* Это более распространенный обряд вызывания дождя. Он не требует предварительной подготовки и отличается простотой. Утром или чаще вечером, когда пастух пригоняет стадо в село, где-нибудь около речки его подстерегают несколько сильных женщин — число их может колебаться от двух до четырех-пяти в зависимости от физической силы пастуха. Пастух, естественно, о готовящемся нападении ничего не знает. Женщины приближаются к нему, хватают и несут к речке и в одежде опускают в воду, произнося те же фразы, которыми сопровождается обливание бешепей. К месту «купания» стекаются люди, но они ни во что не вмешиваются и лишь сопровождают купание смехом и шутками.

Общий смысл обряда и здесь как будто ясен: пастух промокает якобы «от дождя». Характерно, что исполнителями обряда могут быть только женщины.

3. *Опускание черепа в воду.* Человек, владеющий секретом особых словесных формул, необходимых для вызывания дождя, тайно опускает в воду (речку) конский череп (либо его остатки), на котором сделаны соответствующие надписи. Вынимают его только после того, как выпадет достаточное количество дождей. По народным представлениям, оставленный в воде череп вызывает затяжные дожди⁴.

4. *Обращение к природе.* По народным представлениям, отдельные компоненты местности (роща, определенный участок дороги, камень и т. д.) наделены магической способностью вызывать явления, в которых заинтересован человек. В Буркихане такая роща площадью в 2—3 га расположена в 2,5 км от села. Она считается священной: ее не рубят, в нее не рекомендуется даже заходить.

В период засухи в рощу рано утром направляется группа мужчин и женщин, в основном пожилых, пользующихся уважением односельчан; несколько раз они обходят рощу и очищают ее от поломанных деревьев и сухих веток. Во второй половине дня, ближе к вечеру, участники «похода» возвращаются домой. На всем пути следования обычно повторяются стереотипные фразы, в том числе и религиозного содержания. Одежда людей будничная, лишь некоторые надевают шубы наизнанку — мехом наружу, как принято это делать здесь во время дождя.

Если обращение за помощью к роще можно попытаться объяснить позднейшими религиозно-исламскими напластованиями, ибо роща называется еще «шейхская», то объяснить теми же причинами, почему магической силой наделяется участок дороги, который никак не связан с религиозными представлениями мусульман, чрезвычайно трудно. Дорога, о которой идет речь, отходит от села на запад, ведет в горы и предназначена только для скота. Протяженность почитаемого участка около 200—

³ См. Г. В. Плеханов. О религии и церкви. М., 1957, с. 255; Ю. А. Талалаев. О происхождении некоторых магических обрядов. — «Некоторые вопросы всеобщей истории». Ростов-на-Дону, 1967, с. 146.

⁴ У лезгин этому обряду соответствует опускание в воду костей предков. См. А. Г. Трофимова. Указ. раб., с. 103.

300 м, на нем много мелких камней. Действия, совершаемые на этом участке, элементарно просты: его очищают от камней. Считается, что, чем чище будет участок, тем больше пользы принесет обряд. Работу выполняют только женщины, чаще всего либо в начале (до восхода солнца), либо в конце дня (за час-два до захода солнца).

На первый взгляд описанные действия могут показаться бессмысленными. Такими именно они представляются молодому поколению буркиханцев, да и люди среднего и старшего возраста также не в состоянии их объяснить. Старики, защищая обряд, ссылаются только на традицию. Таким образом, перед нами случай, когда связь между обрядовыми действиями и конечной целью, к которой они должны привести, уже не открывается сразу. Это указывает на тенденцию к отмиранию обряда. Однако, если внимательно проанализировать сам обряд в его соотношении с другими магическими действиями аналогичного назначения, включаемыми в него, а также особенностями участка дороги, то становится ясным, что обряд восходит к глубокой древности и характеризует своеобразие народного взгляда на мир. Как истолковать описанное явление? Дело в том, что почитаемый участок дороги в незасушливое лето бывает влажным, так как через него протекает вода из маленького родника. В засуху родник высыхает, дорога становится сухой и пыльной. Тогда к ней и обращаются за помощью. Люди сбрасывают с дороги лежащие слоями камни и «ищут воду», вернее, как бы прокладывают русло, по которому должна пройти вода.

Обряду вызывания дождя противостоит обряд вызывания солнца. Нам удалось зафиксировать две его формы:

1. *Белкунчай*. Этот обряд соответствует лезгинскому «гюню» и почти полностью совпадает с ним как по оформлению, так и по содержанию. Берется обычная лопата; к ее рукоятке прибивают палку так, чтобы получился крест; затем на лопату надевают нарядное платье, накидывают платки, причем соблюдается тот же порядок, что и при одевании невесты. Готовую «белкунчай» с двух сторон несут две девушки, рядом с которыми стоят еще по пять-шесть девушек. Шествие с белкунчай сопровождается хоровым исполнением многократно повторяемых слов:

Ли-ла-ли-лай, ли-ла-лай,
Наша белкунчай хочет мужа,
А Шабандар — жену.
Ли-ла-ли-лай, ли-ла-лай,
Наши сусеки хотят зерна,
А чтобы высушить его, нужно солнце.
Ли-ла-ли-лай, ли-ла-лай,
Пусть солнце и луна будут выше,
Пусть туманы-облака будут ниже! ⁵

Процессия обязательно обходит все дома в селе, причем хозяйка каждого дома, пожелав успеха шествию, непременно выносит угощение для белкунчай, которое специально нанятая замужняя женщина складывает в мешок. Обойдя все дома в селении, шествие направляется к священному месту, трижды обходит его с пением одной и той же фразы, восхваляющей аллаха. Затем все садятся полукругом, делят между собой собранные продукты и расходятся. Обряд исполняют только женщины. По мнению А. Г. Трофимовой, это связано с представлением о солнце как о женском начале, существующем у ряда народов Южного Дагестана ⁶. В пользу такого предположения говорят и наши данные. Примечательно, что, согласно старым агульским народным представлениям, солнце и

⁵ Подстрочный перевод автора.

⁶ А. Г. Трофимова. Указ. раб., с. 109.

луна — сестра и брат. Сестра (солнце) выходит только днем, а брат (луна), не знающий страха, — ночью. Первоначально и луна светила так же ярко, как и солнце. Но как-то луна и солнце по преданию поспорили между собой о том, кто из них красивее. Ни один не хотел уступить другому. Тогда сестра, желая быть самой красивой, провела по лицу спящего брата тряпкой, намоченной в разведенной извести. С тех пор луна стала тусклой.

Нетрудно заметить, что многие элементы обряда белкунцай сходны с той частью народного свадебного шествия, когда невесту провожают в дом жениха, а именно: 1) белкунцай одевают и наряжают как невесту; 2) ее, как и невесту, сопровождают почти исключительно девушки; замужним женщинам отводится лишь скромная роль «экономок» (они носят мешок с угощениями); 3) оба шествия начинаются во второй половине дня. Подобные совпадения вряд ли случайны. С точки зрения народных представлений здесь все последовательно. Дело в том, что важнейшая часть традиционной агульской свадьбы с ее зрелищными элементами, рассчитанными на большое стечение народа (на всю фамилию, село), может состояться только в хорошую, солнечную погоду. И вообще по народному календарю свадьбы приурочиваются к так называемому «сидячему» лету, т. е. ко времени, непосредственно предшествующему косовице, когда, как правило, стоят ясные дни. Даже подготовленную свадьбу могли отложить, если начинались затяжные дожди. Поэтому в представлениях народа свадебный ритуал вступает в прочную ассоциативную связь с природно-погодными условиями, при которых он совершается. Здесь, как и во многих других случаях, действия природы и человека трактуются как протекающие параллельно, но взаимно обусловлено. Каким-то «действиям» природы соответствуют обусловленные ими действия человека: например, шубу-овчинку (традиционная верхняя одежда агулов), как уже говорилось, в ясные дни носят мехом внутрь, а в дождь выворачивают мехом наружу. Явление природы выступает, таким образом, как причина, а действие человека — как следствие. Отсюда делается вывод, вполне согласующийся с примитивным мышлением: если хочешь вызвать дождь, необходимо носить шубу мехом вверх. С аналогичным явлением встречаемся мы и в обряде белкунцай. Выход наряженной невесты на улицу недопустим в дождь. Следовательно, по законам обратной связи дождь должен прекратиться, если она все же выйдет, ибо действительна лишь корреляция «солнце — невеста» (белкунцай символизирует, таким образом, невесту).

2. *Подвешивание лягушки.* Исполнителем обряда может быть не каждый, а только тот, у кого остался в живых по прямой линии (отцовской или материнской) представитель четвертого, считая самого исполнителя, колена. Иными словами, таким правом пользуется тот, у кого живы прадед или прабабка. Таким образом, исполнителем магических действий в данном обряде, как правило, выступают дети. Поймать лягушку поручается ребенку (девочке или мальчику), у которого еще жив представитель, как говорят агулы, третьего поколения «родителей». Лягушку кладут в маленький мешочек, его наглухо завязывают и вешают на стену здания, имеющего не менее трех этажей и стоящего на открытом месте. Обычно для подобных целей выбирают вершину сельского минарета, вероятно, потому, что это самое высокое здание в селе.

При рассмотрении последнего обряда возникают два вопроса: почему подвешивают именно лягушку и почему делает это только тот, у кого живы прадед или прабабка? Ответить однозначно на поставленные вопросы трудно, можно лишь высказать некоторые предположения.

Не объясняется ли выбор лягушки тем, что ей приписывают какие-то сверхъестественные качества, что восходит к тотемическим верованиям. Как бы то ни было, нельзя не принимать во внимание того, что агулы относятся к лягушке особо: ее нельзя убивать и обижать; в весенних

гаданиях о будущем важная роль отводится тем приметам, которые совпадали по времени с первым кваканьем лягушки, которое услышал гадающий. Что касается субъекта действий, то его выбор, видимо, объясняется почтительным отношением к представителям больших семей, свойственным многим народам Востока. Действительно, у того, кто имеет возможность общаться с прадедом или прабабкой, родственников бывает больше и поэтому его считают счастливым.

Нами описаны разные формы двух обрядов, магические действия которых направлялись на обеспечение нормальной хозяйственной деятельности людей. Важнейшей стороной ее у кавказских народов издавна являлось земледелие. Поэтому понятно то религиозное поклонение, которым крестьянин окружал все связанное с земледельческими работами. Однако при низкой технике земледелия и архаических орудиях труда земледелец был беспомощен перед силами природы. Отсюда умиловительные жертвы, моления, заклинания, направленные на то, чтобы изменить природные условия в нужном для земледельцев направлении: в засуху вызвать дождь, при обилии дождей — солнце и т. п.

Отмеченные магические обряды не являются исключительно агульскими. Ареал их достаточно широк. Так, бешепей (пешепей) известен всем народам лезгинской группы Дагестана⁷. С аналогичными явлениями мы встречаемся и у других народов Кавказа, только здесь та же идея выражается «хождением с куклой, сделанной из деревянной лопаты и одетой в женский наряд...»⁸. Легко обнаруживаются аналогии и другим формам магии. Агульскому купанию пастуха в реке соответствуют адыгский обычай бросать хаце-гуаше (княжну-лопату) в реку и купание в реке мужчины, встретившегося исполнителям обряда хаце-гуаше⁹, грузинская «вспашка дна реки»¹⁰ и т. д.

Многочисленные этнографические исследования показывают, что магия — это элемент коллективного мировоззрения, сложившегося в определенных условиях материального производства. Причем характерно, например, что «производственная магия имеет место там, где техника производства слаба, где велик элемент случайности и где человек, следовательно, не может рассчитывать на успех в своей производственной деятельности»¹¹. Таким образом, магическое действие выражает желание человека вмешиваться в деятельность природы с целью подчинения последней своим интересам.

⁷ См. М. И. Ихиллов. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967, с. 224, 225. К сожалению, сведения, содержащиеся в книге, скудны и отрывочны. Более полное описание этого обряда у лезгин мы находим в уже упоминавшейся статье А. Г. Трофимовой.

⁸ С. А. Токарев. Религия в истории народов мира. М., 1965, с. 207.

⁹ С. А. Токарев. Указ. раб., с. 207; З. И. Ямпольский. О безрелигиозности первобытной магии. — «Сов. этнография», 1971, № 1, с. 72.

¹⁰ С. А. Токарев. Указ. раб., с. 207; З. И. Ямпольский. Указ. раб., с. 72.

¹¹ А. Д. Сухов. Философские проблемы происхождения религии. М., 1967, с. 67.